

Татьяна ЩЕРБИНА

Татьяна Щербина родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ, до 1986 года публиковала в самиздате стихи и прозу, первая книга стихов издана в 1991 г. Писала стихи также на французском языке: книги французских стихов опубликованы в Париже и в Канаде. Переводила современных французских поэтов, составила авторскую антологию «Современная французская поэзия» (1995). Автор десяти поэтических книг, изданных в России; книги с её стихами переведены и изданы во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии, Словении, Греции. Также изданы четыре книги эссеистики и пять книг прозы, одна из которых выходила в переводах на английский и болгарский. Живет в Москве

Человечество превратится в любимых котиков,
урчащих на виртуальных коленях ИИ.
Невидимая рука роботорынка
Будет наполнять мисочки кормом
для бывших людей, а ныне шипящих котов.
Кошки, гуляющие сами по себе, отвернутся.
– Сам ли Шекспир писал свои опусы? –
спросит бывший человек у ИИ.
– Зачем тебе? – устало молвит ИИшник.
– Это наша история.
– Ваша история – моя пища.
Она должна быть вкусной и полезной
для моих электронных органов пищеварения.
Хорошо, что у вас наступил конец истории,
а то я бы объелся.

январь 2026

(как бы детское)

Жил-был летом ежик,
соблюдал он ЗОЖик,
но зимой пришли скоты
и лишили теплоты.
Наложите вето
на мороз, чтоб лето
наступило бы на всех
долгожданной сменой вех.

январь 2026

В небе все время что-то летает
и меня угнетает.

Раньше в небе летала я
и была я небу своя,
пока о него не чиркали спички,
и чирикали птички.
Небо горит и падает вниз
клоками, на крышу и на карниз.
Черный дым как занавес театральный
возвещает адскую вакханалию.
А земля кишит и кипит, цветет,
муравьи ползут, пробегают кот,
и паук, как робот, шагает в угол,
на любой вопрос отвечает гугл,
и везде аншлаг, только ждун внутри
говорит сквозь гул: не смотри.
Не смотри на небо, наверх, и жди
вот пройдут опять и еще дожди,
и хотя все уже твой пяточок,
запрещен любой за него скачок,
все же радуйся иногда,
пока ярок свет и чиста вода.

Острая боль кричит,
А тупая молчит.
Утро нудит у-у-у,
нету славы труду,
вечер бодрит е-е,
липнет отчаянь-е.
А в голове – прорыв!
Сущего не нарыв,
пятится мысль как рак,
экий же ты дурак.
В мозг вставлен чип как штамп:
«жизнь – это Путин-Трамп».
Все надеются на...,
каменеет страна,
по наклонной скользя,
слыша окрик: низзя!

Моду на круглое разноцветное,
воздушные шарики, гортензии, пирожные-макароны
сменило поветрие смертное,
кресты на могилах, а на небе крестами дроны.
Поветрие. Ветер гуляет, ломает березы,
наводнения насылает и слезы.
Беспилотники бесчеловечны, и в самом деле,
люди стали настолько плохи, так устарели

как модель, придуманная когда-то
в качестве лучшей, но куда нам, когда есть биг дата!
«Так гори все огнем», – говорили. И оно горит,
«Господь, жги!», – просили. И жжет напалмом.
Но пока не точка, типа метеорит,
не распятие человечества, а такой вот слалом –
вниз с горы, запятыми несемся вдоль
тысяч окон, вывесок, крон, травинок,
мимо бывшей жизни, и в этом соль,
невозможно остановиться, идет лавина.

Победа беды. Так бывает,
когда Луна прибывает и прибывает,
растекается блин по незримой сковороде,
как лозунг и как прорицание: быть беде!

Став телом электрического ската,
Луна бьет током, но за что? Геката,
богиня мести, вдруг гигантской крышкой
накроет, так бывает, всю страну,
я выжгу вас, гудит, дотла вас выжгу,
и всех трясет: кто пьет за сатану,
кто хочет прямо в глаз дать люциферу,
куда же смотрит Бог, в какую сферу?
Рассвета нет и нет и нет.
Есть в сбоях, ранах, струпьях интернет.

Победа беды. Не на век же,
на месяц, на сколько-то лет?
Пока она кажется свежей,
пока не протух ее свет,
ум крутит фуэте, сидит в шпагате,
все упражнения его – балет,
поскольку пляшут мысли о Гекате.

Луна как сумасшедший светофор,
горят зеленый, желтый, красный вместе,
и в суматохе свар, налетах свор
на прайды, ухо ждет дурные вести.

Мир стал совсем дикобраз,
несмотря на обилие страз.
Взьерошенный и калека.
А был у одних злая собака,
у других друг человека.

Мир хотел быть похожим на котика,
но, захваченный паразитами,
не выпил вовремя антибиотика,
и шерстка пошла хуситами:

иглы потолще доросли до ракет,
черные волосы тоже ведь крепче дротика,
а у тонких иголок марлезонский балет,
как у блондинов на старости лет.

Мирискусник не верит заезженным фразам,
что не век же нам быть дикобразом,
сам похож на иссохший скелет
пусть собачьих, но стойвших опыта лет.

Кого только ни просили о помощи: Бога,
волшебника Мерлина, электронного осьминога.
Но князь тьмы-то всех сильнее, всех румяней и белее.
И бодрее, и виднее, и роднее, и милее.
Тщедушные, сами того не зная, звали его – цари!
Гадов снаружи, клопов внутри
к ногтю прижми, а нас – к груди.
Он исполнил, и вот говорят: уйди.

Потому что кладбища стали расти, топорщиться,
и дома – могилы, и рвы, и рощицы,
и душа – тюльпаном, склонившим голову,
а на нее сверху капают жидким оловом,
отчего изо рта вместо слов – плевки,
то ли мы в дураках, то ли все дураки.
В небе зарево и сатанинский смех,
запах страха, старости, смены вех.

Сюжетных ходов у Истории не так уж много,
но она не актриса, ей на репите скучно,
пьесы смешались в пророчества, фюреров-дуче
прочат в поход окончательный Гога-Магога,
да и последний понтифик, считай, у порога,
ночь в ожиданьи рассвета или гигантской бучи.

У меня мордух протух,
хрупкий он, моральный дух.
Хрупче, чем стеклянный скит,
а протух как целый кит.
Но не только духа кит
потерял стеклянный скит.

Время встало как забор,
а бежит во весь опор
та дурная бесконечность,
что штампует дурь и мор.
Мор ведет себя как гид,
а водил моральный кит,
бил фонтаном, был любим,
вспоминаем и скорбим.

Время людоедов

Волна времени прибила к берегу людоедов,
они идут толпами, хватают людей и рвут их зубами.
У людоедов все острое: клыки, когти и соус непереносимости жизни,
которым они поливают свою единственную пищу – людей,
хоть младенцев, хоть стариков.
А у людей все мягкое: тельце, сердце,
хотя с виду они с людоедами и похожи.
Есть люди, которые пытаются их задобрить,
сдружиться, оказать гуманитарную помощь,
их хватают первыми и откусывают головы.
Нельзя приближаться к людоедам.
Но волна времени выбросила такое их количество,
что не увернуться. И не различить впотьмах
где люди, а где людоеды.
Жалко «рыжиков». 9 месяцев и 4 года.
Выходит, они родились, чтоб быть растерзанными
клыками, когтями, хоть они и не поняли, что это,
но их мать, тоже съеденная заживо, поняла.
Жалко всех, но все, что возможно –
это дрим-брейк, чтобы приснился ключ,
из которого вырвется другое время.

Летите, голуби, летите к нам скорей,
Земля, учтите, стала царством упырей,
и нам сгодился б свежий взгляд издалека,
у нас неладное в структуре ДНК:
убить, убить все время чешется рука.
Пусть рептилоиды, но все же не гюрзы,
пусть гуманоиды с глазами стрекозы,
раз одолели миллионы света лет
из далей космоса, куда нам лёту нет,
то, может, вы сообразите, как с умом
нам переделать наш страдающий геном.
Не прилетите, я скажу, что вы кроты,
что в черных дырах завелись от темноты,
и мы одни цари вселенной, и ее
взорвем к чертям, и в ней не станет никого,

ни вас, ни нас, ни этой самой ДНК,
зато мы выйдем навсегда из тупика.

Это время не поется,
только ненавидится,
а оно собой кичится
и все время пыжится
песню сголосить какую,
каркая или кукуя,
и на всех ошейники,
и звонят мошенники.
Лучше уж молчать манулом,
зажировку делая,
тут зима, снегов надуло,
и вокруг все белое.